

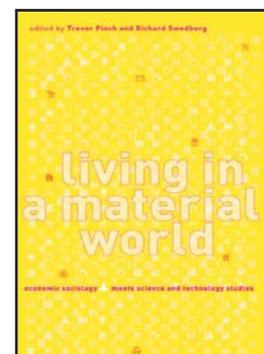
НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Богатырь

Про вещи, рынки и материальную укоренённость

Рецензия на книгу:

Pinch T., Swedberg R. (eds.). 2008. *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies*. Cambridge, MA; London, England: MIT Press.

БОГАТЫРЬ Наталья Викторовна — соискатель Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

Email: natalia_bogatyrya@yahoo.com

Наверное, во всех дисциплинах есть свои немодные темы. Они не то чтобы совсем не исследуются — просто становятся фоном для других, более перспективных. В моей дисциплине — антропологии, предметом которой по традиции считают культуру (а если точнее, то культурное разнообразие человечества), — роль скромной Золушки много лет отводилась материальной культуре¹. К 1960–1970 годам более яркие сёстры — культуры духовная и соционормативная — совсем, казалось, оттеснили материальную культуру к дисциплинарным границам, в вотчины археологии и музеологии.

Удивительно, но происходило это одновременно с невиданным послевоенным ростом массового производства, с тем, что ещё Георг Зиммель (George Simmel) так удачно назвал «размножением материального»². Как справедливо заметил антрополог Дэниел Миллер (Daniel Miller), чем больше вокруг становилось вещей, тем меньше ими интересовались его коллеги³. Мир привычных антропологам традиционных, аборигенных артефактов стремительно сужался; расширяющийся же мир товаров оказался чужим, поэтому его изучение стало задачей экономической науки. Задачей непростой, учитывая отсутствие у этой науки необходимого методологического инструментария. У антропологии, напротив, такой инструмент был. Поэтому в 1970-х многие социальные науки и профессиональные области (например, образование, менеджмент, медсестринское дело)

¹ В отечественной антропологии материальная культура часто противопоставляется духовной и понимается довольно узко — как совокупность жизнеобеспечивающих вещей (к которым относят одежду, пищу, утварь, мебель, жилище, но не включают в неё знания, практики, технологии, а также очень многие вещи, обеспечивающие «невитальные» потребности людей: такие, как транспортные средства, орудия труда и проч.).

² Simmel G. 2001. Culture and the Quantitative Increase in Material Culture. In: Miller D. (ed.) *Consumption: Critical Concepts in the Social Sciences*. Vol. 1. London: Routledge; 89–94.

³ Miller D. 2005. Introduction. In: Miller D. (ed.) *Materiality*. Duke University Press.

принялись осваивать как традиционные полевые методы антропологии — включённое наблюдение и неструктурированное интервью, — так и многие её концепты, ознаменовав, таким образом, начало «эпохи этнографии»⁴.

Важной вехой в этом дисциплинарном сближении стала работа антрополога Мэри Дуглас (Mary Douglas) и экономиста Бэрона Ишервуда (Baron Isherwood) «Мир благ» (1979)⁵, в которой они предложили использовать в качестве теоретической рамки для антропологического изучения современной материальности идею *потребления*⁶. Следующее двадцатилетие обогатило историографию антропологии потребления культовыми названиями: «Социальная жизнь вещей» А. Аппадурай (Arjun Appadurai)⁷, «Культурная биография вещей» И. Копытоффа (Igor Kopytoff)⁸, «Материальная культура и массовое потребление» Д. Миллера⁹ и др.¹⁰. А в 2000-х уже материальность превращается в королеву междисциплинарного бала: она сама всё чаще становится той теоретической рамкой, которая позволяет различным дисциплинам вместить многообразие смыслов мира вещей и объектов, с которыми мы живём.

«Жизнь в материальном мире: встреча экономической социологии с исследованиями науки и техники» — один из недавних сборников, ярко отражающих эту междисциплинарную тенденцию¹¹. Он вышел в рамках знаменитой серии MIT Press «Inside Technology» и, по признанию его не менее именитых редакторов Тренора Пинча (Trevor Pinch) и Ричарда Сведберга (Richard Swedberg), призван помочь пониманию и концептуализации той роли, которую технология играет в современной экономике¹². Авторы предисловия утверждают также, что экономическая наука, традиционно рассматривающая технологию как внешний фактор и «чёрный ящик», избегает её эмпирического анализа, и предлагают восполнить этот дефицит конкретности, используя тот опыт, который накопили за последние 30 лет две молодые дисциплины — экономическая социология и исследования науки и техники (Science and Technology Studies; STS)¹³.

⁴ Gans H. 1999. Participant Observation in an Age of «Ethnography». *Journal of Contemporary Ethnography*. 28 (5): 540–548; Fine G. A. 2003. Towards a Peopled Ethnography: Developing Theory from Group Life. *Ethnography*. 4 (1): 41–60.

⁵ Douglas M., Isherwood B. 1979. *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*. New York: Basic Books.

⁶ Подробнее о развитии исследований потребления см.: Miller D. 1995. Consumption Studies as the Transformation of Anthropology. In: Miller D. (ed.). *Acknowledging Consumption: A Review of New Studies*. London; New York: Routledge; 264–295.

⁷ Appadurai A. (ed.). 1986. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

⁸ Kopytoff I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In: Appadurai A. (ed.). *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 64–91.

⁹ Miller D. 1987. *Material Culture and Mass Consumption*. Oxford: Basil Blackwell.

¹⁰ Напомню, что Джеймс Кэрриер (James Carrier) в своём определении экономической жизни как предмета экономической антропологии акцентирует именно вещи и пишет, что «экономическая жизнь — это человеческая деятельность, направленная на производство, обмен и потребление вещи; способы, которыми люди и общества защищают своё существование и обеспечивают себя» (см.: Carrier J. G. 2005. Introduction. In: Carrier J. G. (ed.) *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar; 3–4). Именно внимание к вещам в широком смысле (товарам, труду, сервисам, знаниям, мифам, терминам, магическим формулам и т. д.) отличает перспективу эконом-антропологов от взгляда экономистов, направленного исключительно на ментальную, калькулятивную составляющую экономической жизни. Заметный рост интереса экономсоциологов к вещам — ещё одно подтверждение постепенного дисциплинарного сближения экономической антропологии и экономической социологии (см. об этом также, например, в совместной работе антропологов и социологов, посвящённой 65-летию «Великой трансформации»: Hann Ch., Hart K. (eds.) 2009. *Market and Society: The Great Transformation Today*. New York: Cambridge University Press).

¹¹ Читателю, интересующемуся этнографическим изучением вещей, может оказаться полезным также сборник: Henare A., Holbraad M., Wastell S. (eds.) 2006. *Thinking Through Things: Theorising Artefacts Ethnographically*. London: Routledge.

¹² Pinch, Swedberg 2008; 1.

¹³ Ibid.

В качестве «моста», обеспечивающего обмен между этими полями, они выбирают идею материальности¹⁴. Редакторы ставят знак равенства между «материальностью», «технологией» и «материальной технологией» (о взаимозаменяемости понятий «материальная культура» и «техно(логическая) культура» всё чаще говорят и антропологи)¹⁵. «Материальность», которая включает в себя «технологии, конституирующие её социальные практики и бесчисленные способы, которыми мы взаимодействуем с ней», — это центральный концепт STS¹⁶.

В редакторском вступлении Пинч и Сведберг проводят своеобразную инвентаризацию тех идей своих дисциплин, которые позволили бы исследователям связать технологию и экономику. Так, со стороны STS они отбирают понятия акторской сети (*actor network*), социотехнического ансамбля (*sociotechnical ensemble*), интерпретативной гибкости (*interpretive flexibility*) и закрытия (*closure*)¹⁷. Первый (и наиболее известный) из концептов занимает центральное место в теории акторских сетей (Actor Network Theory; ANT) (направлении STS, развиваемом Брюно Латуром (Bruno Latour), Мишелем Каллоном (Michel Callon), Джоном Ло (John Law) и др.), остальные принадлежат другой ветви STS — социальному конструированию технологий (the Social Construction of Technology SCOT), главными теоретиками которой являются Тревор Пинч (Trevor Pinch) и Виеб Бийкер (Wiebe Bijker). Основная идея SCOT заключается в том, что смыслы технологических артефактов разделяются релевантными социальными группами, а технологии, общество и материальность находятся в постоянном взаимодействии, то есть соконструируются. Различные социальные группы конструируют радикально отличающиеся смыслы, поэтому практически любой технологии — особенно на начальном этапе её развития — присуща интерпретативная гибкость. Однако со временем некоторые смыслы и способы её использования становятся доминирующими. Технология стабилизируется, в результате чего образуется разделяемый создателями и пользователями технологический фрейм. Этот социальный процесс стабилизации в STS получил название «механизмы закрытия» (*closure mechanisms*). (Это понятие по содержанию близко к понятию «социотехнологическая замкнутость» (*socio-technological lock-in*), которое употребляется в экономической науке.) Постепенная стабилизация материальных технологий позволяет человеческим и нечеловеческим акторам сработаться в любой современной экономике и является тем клеем, который создает иллюзию «железной руки рынка»¹⁸. Бийкеровское понятие социотехнического ансамбля в сборнике модернизируется в статье Мишеля Каллона, который через концепт социотехнического устройства (Socio-Technical Agencement; STA) предлагает по-новому взглянуть на проблему homo economicus и (индивидуальной/коллективной/анонимной) деятельности (*agency*)¹⁹.

¹⁴ Название сборника — продуманная аллюзия на шлягер Мадонны 1984 г. «Material Girl», который не только появился на заре «поворота к материальному» в социальных науках, но и снискал славу, пожалуй, самой цитируемой в STS песни. Она, как справедливо отмечают Пинч и Сведберг, отсылает слушателя (и читателя) к другому аспекту материальности — к тому, что связан с областью экономических, «материальных» интересов: «Some boys kiss me, some boys hug me / I think they're OK / If they don't give me proper credit / I just walk away. / They can beg and they can plead / But they can't see the light (that's right) / 'Cause the boy with the cold hard cash / Is always Mister Right. / 'Cause we are / Living in a material world / And I am a material girl / You know that we are living in a material world / And I am a material girl...»

¹⁵ Что для антропологии важный шаг вперёд к более широкому толкованию материальности. Общими для современной антропологии, STS и (отчасти) экономической социологии являются также понимание действия (и познания) как распределённого между человеческими и нечеловеческими акторами, а также стремление сгладить противопоставление функции и стиля, действия и коммуникации, отойти от искусственного разделения символического и материального аспектов существования вещей, которое многие годы главенствовало в социальных науках.

¹⁶ Pinch, Swedberg 2008; 3.

¹⁷ Ibid.; 3–5.

¹⁸ Ibid.; 11–12.

¹⁹ Ibid.; 29–56.

Среди находок экономической социологии наиболее полезными в изучении материальности, с точки зрения редакторов сборника, могут стать концепты укоренённости Поланьи (Karl Polanyi), Грановеттера (Mark Granovetter), поля Уолтера Пауэлла (Walter Powell), Пола Димаджио (Paul DiMaggio); Лоика Вакана (Loïc Vaquant), Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu), марксистско-веберовское понимание прибыли (profit), а также идеи о предпринимательстве как новой комбинации уже существующих элементов Йозефа Шумпетера (Joseph Schumpeter) и о современном капитализме как радикальном утопическом проекте (Поланьи)²⁰. Редакторы предлагают использовать идею укоренённости в смысле, близком к теории акторских сетей (ANT), то есть добавив к ней материальную составляющую — мир вещей и объектов, которые тесно переплетаются с социальными отношениями и институтами (*material embeddedness*)²¹. Также они считают, что аналитически продуктивным могло бы оказаться расширение концепта поля (за счёт материальных сущностей), возможное в силу близости тех понятий идеи коллектива, которые характерны для STS и экономической социологии²².

Большая часть текстов сборника — это эмпирические работы, которые посвящены широко понимаемой инфраструктуре рынков — патентному праву Элизабет Попп-Берман (Elizabeth Popp Berman) и глобальным технологиям финансовой оценки и учета Карины Кнорр-Цетиной (Karin Knorr Cetina), Дональда Маккензи (Donald MacKenzie) и др., а также роли технологий в материальном устройстве рынков и новым экономическим реальностям, связанным с интернет-технологиями (таким, как электронное потребление, дистанционное образование, движение за открытые исходники, или open source-проекты).

Имена всех представленных здесь авторов хорошо знакомы любому, кто в последние годы следил за тем, что происходило в STS: в основном это исследователи, принявшие активное участие в экспансии ANT/STS в поле экономической социологии. Значительная часть эмпирических текстов посвящена материальности финансовых рынков, которые в числе первых вошли в круг интересов этих STS-исследователей²³: так, Алекс Преда (Alex Preda) рассматривает 150-летнюю историю сток-тикера — биржевого аппарата, передающего котировки ценных бумаг; Даниел Бойнца (Daniel Beunza) и Дэвид Старк (David Stark) дают этнографическое описание торговой площадки интернационального инвестиционного банка; Фабиан Муньеза (Fabian Muniesa) анализирует роль старой технологии — телефона — на финансовых рынках эпохи Интернета.

Две интересные работы посвящены влиянию виртуального пространства на материальные практики: (1) статья Кристиана Ликоппа (Christian Licoppe) отвечает на вопрос «как электронный шопинг и временной разрыв между оплатой и доставкой товара меняют потребительское поведение?»; (2) исследование Пинча и Дэвида Шея (David Shay) на примере компании Amazon.com рассматривает быстро распространяющийся феномен пользовательского рецензирования продуктов и услуг (эти новые любительские практики не только успешно сосуществуют с традиционным профессиональным (эк-

²⁰ Pinch, Swedberg 2008; 6–8.

²¹ Позиция Мишеля Каллона здесь несколько иная; он видит в такой укоренённости один из синонимов оснащённости, попытку «проапгрейдить» современного индивида, в то время как сам считает более продуктивным отказаться от изучения (оснащённого) индивида в пользу исследования распределённого действия (см. в сб. с. 33, 52 и др.).

²² Pinch, Swedberg 2008; 6–7.

²³ См., например: MacKenzie D., Millo Y. 2003. Constructing a Market, Performing Theory: The Historical Sociology of a Financial Derivatives Exchange. *American Journal of Sociology*. 109 (1): 107–145; Knorr-Cetina K., Preda A. (eds.). 2005. *The Sociology of Financial Markets*. Oxford: Oxford University Press; Lepinay V.-A. 2007. Decoding Finance: Articulation and Liquidity around a Trading Room. In: MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds.) *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press; 87–127; Preda A. 2008. STS and Social Studies of Finance. In: Hackett E. J., Amsterdamska O., Lynch M., Wajcman J. *The Handbook of Science and Technology Studies*. 3d ed. Cambridge, MA; London: MIT Press; 901–920; MacKenzie D. 2009. *Material Markets: How Economic Agents Are Constructed*. Oxford: Oxford University Press; и др.

спертным) рецензированием, но и постепенно вытесняют его, поскольку приглашённые эксперты не успевают оценить всё разнообразие современных вещей²⁴).

К моему сожалению, первая часть сборника, традиционно посвящённая так называемым общим вопросам, объединяет всего три текста — исторический очерк Сведберга о развитии идеи материальности в экономической науке; теоретический текст Каллона, в котором он предлагает новую аналитическую рамку для понимания рынков и их эффектов; методологическую статью Филипа Миrowsкого (Philip Mirowski) и Эдварда Ник-Кха, (Edward Nik-Khah), исследующую на конкретном примере возможности использования идей различных направлений STS в анализе современных рынков. Поскольку активное изучение современной материальности — относительно новая задача в повестке дня экономической социологии, вероятно, вопросам методологии было бы уместно уделить больше внимания (а к результатам некоторых эмпирических исследований, уже публиковавшимся в других изданиях, просто отослать читателя ссылкой). Но, в целом, это небольшой недостаток для тех, кто готов поразмышлять о возможных инструментах, при помощи которых авторы эмпирических статей приходят к своим выводам²⁵. Думаю, у «Жизни в материальном мире...» есть все шансы стать книгой обязательного списка не только для экономосоциологов и социологов науки и техники, но и для антропологов, культурологов и, конечно, историков повседневности.

²⁴ Локальная специфика интернет-торговли (и, конечно, интересы наблюдателя) дают замечательные возможности для вариаций на очень интересные темы, поднятые в этих двух упомянутых работах. Так, например, усилия московского покупателя, часто расплачивающегося за товар и доставку по факту с курьером, в большей степени направлены на менеджмент неопределённости, связанной с качеством (происхождением) товара и сервиса продавца. А многие находки amazon.com — одного из наиболее удачливых пионеров рынка, будучи скопированными в другой культурной и языковой среде, провоцируют другие исследовательские вопросы. Если для Пинча и Шея наиболее актуальной оказалась тема плагиата в любительском рецензировании книг, продаваемых Amazon.com, то меня как постоянного читателя отзывов на Яндекс-маркете давно занимает то, по каким критериям потенциальные покупатели оценивают отзывы, оставленные пользователями разнообразной техники. Однажды моё внимание привлек удивительно низкий рейтинг полезности обстоятельного и грамотного отзыва на один из новых гаджетов. Как мне показалось, основной (если не единственной) причиной недоверия к опыту автора здесь стала её гендерная принадлежность. Возможно, всестороннее (качественное и количественное) исследование рейтинга отзывов на разные виды техники (например, компьютерной и бытовой, новой или выпускающейся относительно давно и т. п.) помогло бы понять какие-то особенности и современной технокультуры, и этого нового перспективного рынка, и экономической жизни в целом.

²⁵ Для тех, кто хотел бы обратиться к более учебным текстам по методологии исследования материальности вообще и материальности современного потребления в частности средствами ANT, SCOT, grounded theory — обоснованной теории, нарративного анализа, символического интеракционизма и др., вероятно, полезнее окажется другой сборник: Vannini Ph. (ed.) 2009. *Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches*. New York: Peter Lang Publishing Group).